

Татьяна Игнатьева

*Рассказы,
Гамаюн*

С Т И Х И

Татьяна Игнатьева
Расскажи, Гамаюн. С т и х и

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56556655

ISBN 9785005108586

Аннотация

Сборник лирических и философских стихов, написанный за период 2009—2011 гг. Что видит автор, что чувствует, о чём размышляет – всё преподносится на суд читателя с доверием и благодарностью.

Содержание

Расскази	6
«Замри, душа, и не считай минуты...»	7
Всё о том же	8
«Зимние листья белёсыми чайками...»	10
По следам снежного шелкопряда	11
След из детства	13
Видение	15
А может это...	16
И был вечер, и было утро	17
Придёт зима	18
Что прячет ночь	19
В метельную даль	20
В полусне	21
Всё учит жизни	22
Прощай уже	23
Небесная охота	24
«Нет, сегодня не до песен...»	25
«Когда жеманно и мечтательно...»	27
Двенадцать и один. Блоковские думы	29
Панночка	31
«Разбавленные плаваньем кулис...»	32
Снежнокоролевский синдром	33
Гердовский апгрейд	34

Раскаяние Кая	36
Суок	38
Ты только знай	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Расскажи, Гамаюн

С т и х и

Татьяна Игнатьева

© Татьяна Игнатьева, 2020

ISBN 978-5-0051-0858-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Расскажи

Расскажи, Гамаюн – как рождается око зари,
Как под тёплую корочкой дремлет зелёный росток,
Где зимуют кукушки, где летом живут снегири,
Как узнают они неизбежного странствия срок.

Расскажи мне, Пресветлого Ирия вещий певун,
Отчего наше сердце вдали от священной страны
Лишь услышав мелодию вышних серебряных струн,
Разорваться готово от неистребимой вины.

Осень выстудит небо, и ягоды лягут в ладонь,
Улетят журавли, заждит по полям ввечеру.
Но согреет озябшую душу домашний огонь,
И заблудшую душу потянет к живому костру.

Расскажи, Гамаюн – будет долгой-предолгой зима —
Как родимся мы сызнова после тяжёлых годин,
Только в памяти тлеющим жаром – тюрьма да сума,
Только сердце с мелодией вечной один на один...

«Замри, душа, и не считай минуты...»

Замри, душа, и не считай минуты.
Но выбери из них, хотя б одну ты,
И выпей тот свободный полный вдох.
Пусть движет мир стараньями волхвов,
Свершающих насущные дела.
Замри. Да будет даль твоя светла,
Да будут очи видеть сквозь печали.
В порыве дивном сердце, отвечая,
Как птица вдруг забьётся в прутьях дней.
И вырвется из горечи огней,
В полёте обретя очарованье.
Под ветренное снежное дыханье,
Под ломкий всплеск холодного луча
У первого заветного ключа
Найдёшь следы затерянной вселенной,
Где постоянно всё и всё мгновенно.
Где чуть подтаял вечный синий лёд,
Откуда Ангел начинал полёт.

Всё о том же

Под оплывших свеч мерцанье
Пляшут тени канделябра.
Долго в душу заползает
Ночь осенняя змеёй.
Бросив после растерзанья
От луны ущербной жабры,
Спит, блаженно растекаясь
Сытой коброй над землёй.

Я читаю жизнь по звёздам.
Я считаю дни по пальцам.
Не держу часов в квартире —
Время лучше не дразнить.
И багаж беспечно роздан
Неприкаянным скитальцам.
Всё случайно в этом мире,
Ариадна прячет нить.

Позабыла – что немило,
Что не нужно – потеряла.
Лишь одним свечным огарком
Спит надежда, чуть дыша.
Сколько раз себе твердила —
Всё опять начну сначала.

Но змеёю в танце жарком
Извивается душа.

Вот когда споткнётся время,
А потом покатит глаже —
Сброшу шкуру – будет, знаю.
Звёзды ближе – это шаг.
И совсем иное племя
Без вопроса примет даже:
Почему же я летаю —
Просто с крыльями душа.

«Зимние листья белёсыми чайками...»

Зимние листья белёсыми чайками,
Насмерть устав от полёта небесного,
Падают, падают, холодно, тесно им,
Веки сугроба взметая отчаянно.

Не отогреть ни рукой, ни дыханием —
Никнут в живительном талом безветрии.
Ломкие ветви своей геометрии
Тянут с извечно морозным старанием.

В окна заглядывать будет непрошено
Вечер с немою усмешкою Гавела —
Что ему наши горячие правила
В снежном, раздольно гуляющем крошеве!

Тёплая печка и кофе с корицею,
Эхом – домашняя разноголосица.
Только закроешь глаза – и проносятся
Листья белёсые зимними птицами.

По следам снежного шелкопряда

*«Теребя белизну монохромным узором,
Тянет зимнюю нить нулевой шелкопряд»
Наталья Дорофеева.*

Расправляя ворсинки замёрших холстин,
Всё прядет и прядёт свою нить золотую
Нулевой шелкопряд зимотканых картин,
Уводя нас в подлунную ночь вековую.

По извилистым снам кружевных виражей,
По метельным отдушинам в талых объятьях
Всё ползёт до небесных седьмых этажей,
Всё готовит зиме её новые платья.

А она, выбирая меха да шелка,
Расцветает алмазами моде в угоду.
И в сочельник задремлет уставший слегка
Нулевой шелкопряд уходящего года.

Расправляя ворсинки замёрзших холстин,
Осторожно укроет зима его кокон.
И останется след его снежных картин
У мигающих ёлками праздничных окон.

След из детства

Привстав на цыпочки, смотрю я из окна.
Там сад под снегом сиротливый, долговязый.
Стекает вечер по щекам берёз и вязов,
Дрожит ветвистым кашемиром бузина.

Часы пробили ровно шесть не торопясь.
Мне тоже шесть, и я шепчу об этом кошке.
На замороженном стекле моя ладошка
И января блестит узорчатая вязь.

Зачем же мир такой холодный и немой!
Сама себя я утешаю и не верю.
Взгляну с надеждою на запертые двери
И вновь вздыхаю – вот и час пошёл седьмой.

Щемит сердечко, и слеза уже вот-вот
Готова брызнуть, но недолго горе длится —
Улыбкой светятся вокруг родные лица.
И я кричу, что я не видела их год!

Пробило восемь, и расплылся мир в тепле.
Сад за окном всё норовит куда-то деться.
Но остаётся навсегда, как след из детства,
Моя подтёкшая ладошка на стекле.

Видение

Сейчас-сейчас... минуя объектив,
Проявится мечта, или виденье.
На ало-багряницу наступив,
Пройдёт в свои законные владенья.
Поёжится от свежести слегка,
Укутается в кружево накидки.
Шальным порывом доки-ветерка
Из локонов сорвутся маргаритки.
Оглянется, не замедляя шаг,
Слезу смахнёт изгибами запястья,
И с нею дум неожиданный тяжкий мрак.
Вздохнёт, сама себе желая счастья.
И упорхнёт, взметая листьев шлейф,
Сей перголы осеннее убранство.
Очнувшись, объектива глаз за ней —
Но где? Виденье – суть непостоянство.

А МОЖЕТ ЭТО...

О, где ты, где?.. Под низким сводом дуг
Застыло всё в безвременьи минуты.
Я здесь в сопровождении подруг,
Но никого не вижу почему-то.

Сквозь зелень дня, сквозь кружево мечты —
Иль память, иль фантазий тонкий лучик —
И деве занебесной красоты
Вдруг проявиться выпал дивный случай.

В поющих переливчатых шелках,
Дыханием нежнейшего пиона.
И звёзды глаз, не выцвевших в веках
За бликами искусственных неонов.

Скользнула дуновеньем за спиной.
Растаяла, весёлым смехом брызнув...
Виденье, фея, ангел неземной,
А может это я из прошлой жизни?

И был вечер, и было утро

Был день, в который солнце не по кругу
Обычному пустилось и не вспять —
Умчалось светлым сердцем провожать
Лёт грустных верениц, тянувших к югу.

Дождь нитями опутал всю округу,
И вечер раскрутил веретено,
От мокрой пряжи муторно, темно.
Свеча в окне – привет и помощь другу.

И ночь была ковром кленовых звёзд
Укутана от топкой сизой хляби.
Но золотом лишь выткалась заря —

На много миль белёсым стал погост.
Дышали, согреваясь, в небо зяби.
И было тихим утро октября.

Придёт зима

Последний месяц осени сырой,
Ноябрь гасит сполохи багрянца.
В заиндевелой дали лубяной
Снежинки начинают вечер танца.

А ты упрямо ставишь на зеро,
Как будто ничему не научило
Мудреющего мира серебро
В мерцании ущербного светила.

На крыльях воронья приносит ночь
Дыхание зимы в печном угаре.
А ты всё воду пробуешь толочь,
Как будто в ступе, в лужной стылой хмари.

Не поворотит осень время вспять —
Придёт зима, тебе её встречать.

Что прячет ночь

Ни крошки, скатерть белая чиста,
И вьюшек сон чугунными блинами.
Завьюжит вьюга белыми вьюнами,
По тропам, по дорогам – пустота.

След не отыщешь в сумрачной дали.
Найти друг друга – разве мы хотели?
Сегодня это глупо, в самом деле,
И верно поздно – вьюги замели.

Придумать оправданье не смогу
Поверить страхам – это так привычно.
Ночная птица бьётся в сердце мне.

В стекло речное в саванном снегу
Не загляну, как будто безразлично,
Что прячет ночь в зелёной глубине.

В метельную даль

Закружится день на закате, завьюжит,
Засыплется весь – от луны до земли,
Совсем пропадёт – и вблизи, и вдали.
И сердце устанет в пути, занедужит.

Закроешь глаза, но ведь путь не окончен.
И вёрсты считает биенье в груди.
Уймёшь непослушное сердце – иди,
Но глупое, вон будто выскочить хочет.

Когда же согласишься в единственно то,
Что нужно тебе, что свою ты дорогу
Избрал, наконец – то отступит печаль.

И можно так смело глядеть, и светло
На сердце опять, ты идёшь понемногу
По жизни январской в метельную даль.

В полусне

«Кина не будет – киницик заболел»...
Но я гляжу в окно – экран мой сизый.
Письма не будет – к чёрту героизм —
Свеча моя потухла... Крошит мел

В ночи бездонной вышний мир на нас.
И тонут звёзды в полуночной кадке.
В молочных реках неба есть стерлядки,
Беспечный ловчий – плут и ловелас.

Каюром ловким месяц запоздалый
Несётся с горки неба в запределье.
Оленьим мехом стелет конфетти.

Заря постель мне высветила алым
Как пламя свечки, и ложусь в постель я...
Ах, да – письма не будет, ты не жди...

Всё учит жизни

В пылу упрямых будней и сует
Предпраздничных, невидящих просвета,
Мелькнёт вдруг перевёртышем ответа
Волшебных сказок мудрых пируэт.

Родится слово истины, и тьмы
В реальном мире рухнет право вето.
Молчанье точит камень каплей света.
Благое дело – праздники зимы.

Сусальным переливом по утрам
Слепят глаза нам новые затеи.
Лучи весны неожиданной впереди.

Мы выбираем – площадь, или храм,
И молимся тому, кого хотели.
Всё учит жизни – засухи, дожди.

Прощай уже

А скоро день сравняет ночи час,
Друг друга догоняя, будут мчаться.
В страницах ветхих полинялых святцев
Их имена напишут. И для нас —

Живых и мёртвых – копят недра чаш
Глотков весенних гжель колодца-неба.
И солнца, мёда слаще, ближе хлеба —
Отведать сердцу – славный жребий наш.

Забудутся метели и снега.
Из прошлых жизней вычертят недели
Пугливый росчерк, капает сурьма

Холодной боли в чёрные стога,
Пожухлые останки. В самом деле,
Прощай уже, отжившая зима...

Небесная охота

Когда-то круглый год была весна.
А нынче снежных звёзд густая каша.
Завеса ночи. Мягко солнца чаша
Упала в дальний омут, в зелень сна.

Там дремлет лотос – белая блесна.
По млечной зыби рыбы ералаши.
Кораблик уплывает в детство наше,
Опущен парус, стёрты имена.

Небесная охота, горн и гон,
И быстрый ловчий. Эхом во Вселенной,
По россыпи жемчужной звёздный звон.

Летающий птицей снег во сне, как сажа.
Подтаял мир картиной гобеленной.
И опоясан лёгкий Орион.

«Нет, сегодня не до песен...»

Нет, сегодня не до песен,
Не до лирики в ненастье.
Дождь и ветер куролесят,
Всё меняя в одночасье.

Хмарь стирает щёк румянец.
Дрожь обид скривила губы.
Ветер – дерзкий вольтерьянец!
Медь валторны в мокрых трубах.

Серый снег заляпал город,
Воет пёс дискантом тонким.
Холод, холод – мне за ворот,
В душу, в самую печёнку!

А хотя... к чему обиды,
Дайте «ля», настроить душу!
Коль на то моя планида,
Разве ж я под ветром струшу!

Почему же не до песен?
Повнимательнее будьте —
Разве осень куролесит —
Исполняет форте тутти!

«Когда жеманно и мечтательно...»

Когда жеманно и мечтательно,
Кисейной барышней точь-в-точь,
У края сна очаровательно
Присядет ночь,

В перчатках длинных, в звёздном кружеве,
В вуали, с зонтиком в руке —
Вздохну – анапест больно нужен ли
Моей строке?

А зонт раскроет – стихомании
И вовсе затухает жар.
Я речи, даже понимания
Теряю дар.

Не важно – молью ли, вампирами
Сотворена та красота —
Но жажду быть сквозными дырами
Её зонта.

На что пенять! Так странно сбывшейся
Мечте теперь не прекословь...
И сквозь меня – зари родившейся
Стекает кровь.

Двенадцать и один. Блоковские думы

*«... Так идут державным шагом,
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
.....
Впереди – Иисус Христос.»
Двенадцать. А. Блок.*

Завьюжило, завыло, замело.
И шум, такой мистически неясный...
Ликует сердце – верно, повезло
Родиться в этот век взрывоопасный!

Она пришла, на ангельских крылах
Влетела очищеньем в наши души!
Колоколами в светлых головах —
Услышат ли, имеющие уши?

Симфония вселенского огня —
То музыка летящих революций!
И пусть распнут греховного меня,
И мой мирок зашторенный и куций!

Я ко всему готов, ускорив шаг,

Во след Христу шагаю к новой жизни.
Переписать осмелится душа
Иконный лик клокочущей отчизны.

И я стучусь, стучусь по всем дворам
В глухие заколоченные двери.
Я верю брутам, каинам, ворам,
А мне никто, никто из них не верит.

Очнитесь, вы, несущие печаль
Своей земли у сердца! Не напрасно
Сиреневую сумрачную даль
Заря в кумач одеда ярко-красный!

Завьюжило, завыло, замело.
По всей земле разнёс ту осень ветер!
Сегодня для меня светлым-светло.
Что будет завтра – кто теперь ответит...

Панночка

Холодным камнем стелются полы.
Холодным камнем сердце замирает.
В блестящих замках скучные балы,
В аду гнилом – нежнейший цветик рая.

Вельможным панам снится пёсий гон,
Оскал кровавый смятого холопа.
И дышит в спину алчущий дракон,
Коварно ухмыляется Европа.

Со всех сторон пожары, смерть и боль.
А ты голубкой в утреннем тумане.
И не коснётся будто бы юдоль,
Не обовьёт петлёю, не обманет.

Царица неприступная!.. Увы,
И панночки подвластны грубой силе.
Короткий век цветенья и любви,
И Ангелы на каменной могиле.

«Разбавленные плаваньем кулис...»

*«Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать
больше, чем сейчас.»*

Ганс Христиан Андерсен

Разбавленные плаваньем кулис,
Приправленные привкусом желаний,
Настояны на сие воспоминаний —
Такие разговоры родились,

Что затерялась напрочь черед
Следов первоисточника былого.
И тянет пробежать по сказке снова.
И ты бежишь, но только вот куда?..

Снежнокоролевский синдром

Как тебя, милочка – Герда? Ну, что ж, звучит!
Гордая, чистая, смелая, видно, дева!
Тут без охраны в полярной моей ночи
Ты не дрожишь, хоть и тёплого не надела.

Ах, тебя греет любовь! Я смеюсь, прости.
Глупость людская – я часто об этом мыслю —
В слабой горсти через беды и страх нести
Каплю химеры, рискуя при этом жизнью!

Первому встречному истины толковать
Мне не к лицу. Захочу – уведу любого!
Это у вас – через душу всё, да кровать.
Мне же хватает простого, как вечность, слова.

Я не прошу, я приказываю – ступай!
Мне от вас жарко – сердечных и твердолобых.
Вот тебе твой ненаглядный холодный Кай.
Если любовь твоя греет – возьми, попробуй!

Гердовский апгрейд

Это не слёзы, не слёзы – коварный ветер,
Не обольщайся, бездушное изваянье!
Перед тобой не сорвусь ни за что на свете,
Не любоваться тебе на моё страданье!

Только скажи, что же это случилось с Каем —
Всё безразлично ему и меня не видит.
Может, я так изменилась, совсем другая
В этой изорванной старой чужой хламиде?

Может, уже разлюбил, изменяя клятве,
Ты приморозила, ведьма, очаровала!
Что же такое есть у тебя, треклятой,
Что человеческой любви ему стало мало?!

Да, твоя кожа белей и глаза огромны,
Да, у тебя меха, и хрусталь, и злато...
Но ведь когда-то он мальчиком был прескромным,
Лишь на меня одну он глядел когда-то.

Что же меняется в этом неверном мире?
Всё? Почему я не чувю тогда, не знаю?
Что за нелепый совет – посмотреть пошире,
Или ещё нелепей – с другого края!

Ах, не мудра я по-вашему, не практична!
Так, удивляться чему – не учили строго.
Думала, век пропою я беспечной птичкой...
Ты не поделишься мудростью хоть немного?

Ну, извини, что ругала, признаюсь – дура.
Если уж всё меняется – не отстану.
Да не гляди ты так важно, так зло и хмуро.
Думаю, мы поладим, я мудрой стану!

Я бы с твоими советами подружилась,
Да подошла бы как раз к недотроге Каю...
Что ты, совсем не думала! Сделай милость...
Ах, что-то в сердце кольнуло, я замерзаю.

Раскаяние Кая

Что ты пристала, Герда, уходи.
Раскаяться? С какого перепуга!
Ты не Господь, не мать мне... ах, подруга!
И хочешь знать, что у меня в груди?

Так вот – не Каин я, всего лишь – Кай.
Не Каин, слышишь, не грози мне пальцем!
Я не был неприкаянным скитальцем —
Я сбился с ног, разыскивая рай.

Всего лишь рай. Не прихоть, согласишь,
Искать приюта для души и тела...
Но поздно понял – жажде оголтелой
Не утолиться, не поднявшись ввысь.

А как тут, детка, сдать небесам,
Когда вокруг извечная свобода:
Возможность оторвать себя от сброда
И сделать целый Мир, хоть Вечность – сам!

Теперь-то понял, что свобода – миф.
Нет разницы – у бабушкиной печки,
У Королевы Снежной, иль в уздечке
Твоей, но лишь без инициатив.

Да хоть в пустыне, та же блажь и спесь....
Едино всё, пока в огне желанья
Душа без тишины и покаянья
И присно не замрёт, как ныне здесь...

Так что, ступай, мне жаль, что столько лет
Ты маешься, вернуть меня стараясь.
Ждёшь моего раскаянья? Что ж – каюсь,
Но только в том, что Кая больше нет.

Суок

На ключе от тяжёлых тюремных замков
Насвисти колыбельную мне.
Заиграет огонь золотых завитков,
Как корона при яркой луне.

И принцессой предстанешь, ожившей во сне,
Самой лучшей из кукол, из фей,
Так неожиданно подаренной вечностью мне
В кутерьме человеческих затей.

Так неожиданно, что в свите весёлых подруг
Ты единственной станешь, Суок.
Брызнув кровью живою, откроется вдруг
Одинокого сердца замок.

Ты только знай

В вековом лабиринте путь
Через жизнь от себя к себе.
Отыщусь я когда-нибудь.
Ветер-ветер в моей судьбе.

Лишь одно из заветных слов
Горьким семечком на губах.
Прикушу я сомненья в кровь.
Солнце-солнце в моих слезах.

Я не роза – я дикий хмель.
Капля млечная на клинке.
Лет размытая акварель.
Осень-осень в моей строке.

Обернусь, уходя за край,
Хоть потом тяжелей идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.